

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

Историческая битва //Правда. - 1945.
— апрель. - №98**Историческая битва**

Настал двенадцатый час преступной гитлеровской Германии. Героическая Красная Армия ворвалась на улицы немецкой столицы и ведёт историческую битву за Берлин. О ней возвестили строгие и чеканно четкие слова приказов Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина. В приказе, обращённом к маршалу Жукову, сказано:

«Войска 1-го Белорусского фронта, перейдя в наступление с плацдармов на западном берегу Одера, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации прорвали сильно укреплённую, глубоко эшелонированную оборону немцев, прикрывавшую Берлин с востока, продвинулись вперёд от 60 до 100 километров, овладели городами Франкфурт на Одере, Вандлиц, Ораниенбург, Биркенвердер, Геннигсдорф, Панков, Фридрихсфельде, Карлсхорст, Кепеник и ворвались в столицу Германии Берлин».

Одновременно с ударом с востока последовал удар с юга. «Войска 1-го Украинского фронта, — говорится в приказе, обращённом к маршалу Коневу, — перейдя в наступление, прорвали, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиа-

сильная, как никогда, — полнокровно ливёт, кренчит и расцветает издохшее хозяйство Советского Союза, с честью выдержавшее тяжкие и суровые испытания войны.

Фашистский зверь схвачен за горло железной рукой Красной Армии. Бои идут в Берлине — этой мрачной цитадели гитлеровского разбойничьего империализма. Все годы войны не переставал укреплять кровавый Гитлер свою столицу. Но ни крепости, ни сложные и разветвлённые системы окопов, дзотов, дотов не устояли перед неукротимой священной яростью советских чудо-богатырей.

Берлин! Оплот пруссачества, твердыня германского империализма, оплотнение гитлеровских разбойников. — с именем Берлина связаны такие высокомерные прусских индюков, понасытная алчность хищного германского империализма, кровавая оргия гитлеровских зверств и разбоя. В Берлине разрабатывались планы разбойничьей войны в целях мирового владычества «расы господ». В Берлине была придумана система истребления целых народов. Берлин насаждал палаческий «новый порядок», лишавший народы их свободы и независимости, обрекавший их на беспробудный гнёт

офицеров, генералов. Они пели дробь и гнев в сердце своём и проносили их от стен Москвы, Ленинграда и Сталинграда, от волжских берегов и подножья Кавказа до Берлина. Герои Сталинграда, доблестные защитники Ленинграда, участники обороны Москвы, сыны России, Украины, Кавказа и Сибири — они встретились все под Берлином, чтобы идти на штурм важнейшей гитлеровской цитадели.

Красная Армия шла к Берлину, очищая советскую землю от гитлеровской нечисти, освобождая из фашистского плена европейские страны, захваченные гитлеровскими разбойниками. Под ударами Красной Армии рассыпался фашистский блок. На сцену встала новая, возрождённая Польша, близится полное освобождение Чехословакии. Плечом к плечу с воинами Красной Армии сражается югославская армия, приближал час полного освобождения своей родины. Народы Европы ждали освобождения, ждали возмездия. Историческое возмездие совершается.

Берлин обят огнём. Не умолкает гром сражения. В столицу Германии пришла война. В Берлине — смутение и паника, потому что подошла развязка, идёт конеп. Дни Берлина сочтены.

Настал двенадцатый час преступной гитлеровской Германии. Героическая Красная Армия ворвалась на улицы немецкой столицы и ведёт историческую битву за Берлин. О ней возвестили строгие и чеканно четкие слова приказов Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина. В приказе, обращённом к маршалу Жукову, сказано: «Войска 1-го Белорусского фронта, перейдя в наступление с плацдармов на западном берегу Одера, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации прорвали сильно укреплённую, глубоко эшелонированную оборону немцев, прикрывавшую Берлин с востока, продвинулись вперёд от 60 до 100 километров, овладели городами Франкфурт на Одере, Вандлиц, Ораниенбург, Биркенвердер, Геннигсдорф, Панков, Фридрихсфельде, Карлсхорст, Кепеник и ворвались в столицу Германии Берлин».

Историческая битва

Берлин объят огнём. Не умолкает гром сражения. В столицу Германии пришла война. В Берлине — смятение и паника, потому что подошла развязка, идёт конец. Дни Берлина сочтены.

Красная Армия нанесла гитлеровским полчищам решающие удары. Сейчас она вновь покрыла свои знамёна неуывдаемой славой. Наступление на Берлин войдёт в историю войн, как непревзойдённый образец современного военного искусства. В прошлых битвах Красная Армия сломала хребет фашистскому зверю. Сейчас она наносит свой разящий удар в самое его сердце.

Враг отчаянно, упорно сопротивляется. Но безнадежны его судорожные усилия остановить неумолимый натиск советских войск. Исход битвы за Берлин предрешен всем ходом войны, всем опытом борьбы Красной Армии против немецко-фашистских захватчиков. На Берлин наступает Красная Армия, возмужавшая, закаленная в боях, более могучая, чем когда-либо, снабженная первоклассной техникой, превосходящей технику врага. Великим мужеством, горячей отвагой исполнены сердца советских воинов. На Берлин наступает Красная Армия, ведомая великим Сталиным, вооруженная сталинской наукой побеждать.

Красная Армия идет на штурм Берлина. Она идет на штурм под победоносным знаменем Ленина, с именем любимого Сталина. Историческая битва за Берлин будет завершена новой величественной победой советского оружия.

Берлин окружен! // Известия. - 1945. -
№98

Советские войска завершили полное окружение Берлина. Слава героической Красной Армии!

Берлин окружен!

Доблестные войска Красной Армии завершили полное окружение Берлина. Клеица, сжимавшие столицу гитлеровской Германии, сомкнулись в стальное кольцо. Все пути из Берлина отрезаны.

Берлин окружен!

Весть о блестящем успехе советских войск в исторической битве за Берлин мгновенно облетела всю нашу страну. Каждый победный шаг Красной Армии отзывается в сердцах советских людей ликованием и гордостью. Трудящиеся с волнением ловят слова сталинских приказов. Стремительное развитие событий становится радостным, праздничным переживанием народа. Люди стремятся поделиться друг с другом мыслями и чувствами. Повсюду возникают митинги. К родной Красной Армии, к любимому Сталину несется голос народа. В Ленинграде и Ереване, в Москве и Риге, в цехах заводов, лабораториях ученых, университетских аудиториях звучат взволнованные слова благодарности героической Красной Армии, возносятся слава ее полководцам, под водительством великого Сталина наносящим смертельный удар по сердцу гитлеровской Германии.

— Пока стоял фашистский Берлин, никто не мог спокойно жить и творить. Его существование несовместимо с существованием цивилизации, с прогрессом культуры.

— Берлин окружен нашими героями, вдохновляемыми и ведомыми великим Сталиным. Час расплаты с фашизмом наступил!

окружить нашу столицу. Отборные немецко-фашистские головорезы, опьяненные легкими победами в Европе, стремились пробить себе дорогу для охвата Москвы. Но вражеский план рухнул, немцы были разгромлены в исторической битве под Москвой. Враг тогда не отказался от своих планов и в 1942 году хотел ударить на Москву от Волги, отрезав советскую столицу от тыла. Немцы натолкнулись тогда на Сталинград и сломили себе шею. Гитлеровский план окружения Москвы дважды был разбит мудростью нашего командования, героизмом и воинским умением бойцов и командиров Красной Армии. Блестательное превосходство советской военной науки, сталинской стратегии проявилось в памятных исторических схватках с величайшей силой.

В грандиозном берлинском сражении весь мир видит новое торжество сталинской науки побеждать.

К обороне Берлина гитлеровцы подготовились, как только могли. Они учли опыт всех своих поражений. Они сосредоточили вокруг Берлина все силы и средства, какими только могли располагать. Они сражаются с простью отчаянием. Германские сводки признают, что на защиту Берлина брошены не только кадровые армии, офицерские школы, всякие «фольксштурмиесткие» подразделения, но и особо подготовленные «части особого назначения» из последнего гитлеровского резерва. Гитлеровцы принуждают сражаться даже гражданское население. Но ничто не может сдержать величайше-

препятствия, сокрушить отчаянное сопротивление гитлеровцев! Полное окружение Берлина, которое немцы безуспешно стремились предотвратить, является триумфом великой сталинской стратегии. В битве за Берлин дело идет не только об овладении германской столицей, здесь решается задача полного военного разгрома немецких вооруженных сил. Берлинская битва становится берлинским побоищем. Значение ее возрастает с каждым днем приближения советских войск. Гитлеровская Германия сгорает в берлинском котле.

Ни одна армия в военной истории не могла достигнуть такого полного окружения больших сил врага много раз под рад, как это сделала Красная Армия в нынешней войне в самых различных условиях. Операция по окружению Берлина войдет в военную науку как классический образец локвопроводческого искусства.

Второй раз в истории русские войска берут немецкую столицу. Если в Семилетнюю войну немцы сдали Берлин без боя и на бархатной подушке вынесли его ключи, то ныне Гитлер превратил свою столицу в поле боя. Он сам обрек ее на гибель и уничтожение. Советские войска преобладают себе путь к победе в жестоком сражении, через горы немецких трупов, через развалины домов, строений, улиц.

С напряженным вниманием следит весь мир за ходом и развитием берлинской битвы. Мощь Советского государства говорит здесь громовым голосом орудий. Но одновременно мощь Советского государства говорит и иным языком. На

Берлин окружен!

Доблестные войска Красной Армии завершили полное окружение Берлина. Клещи, сжимавшие столицу гитлеровской Германии, сомкнулись в стальное кольцо. Все пути из Берлина отрезаны.

Берлин окружен!

Весть о блестящем успехе советских войск в исторической битве за Берлин мгновенно облетела всю нашу страну. Каждый победный шаг Красной Армии отзывается в сердцах советских людей ликованием и гордостью. Трудящиеся с волнением ловят слова сталинских приказов. Стремительное развитие событий становится радостным, праздничным переживанием народа. Люди стремятся поделиться друг с другом мыслями и чувствами. Повсюду возникают митинги. К родной Красной Армии, к любимому Сталину несется голос народа. В Ленинграде и Ереване, в Москве и Риге, в цехах заводов, лабораториях ученых, университетских аудиториях звучат взволнованные слова благодарности героической Красной Армии, возносится слава ее полководцам, под водительством великого Сталина наносящим смертельный удар по сердцу гитлеровской Германии.

Эренбург, И. Перед финалом
/И. Эренбург //Красная звезда. -
1945. - №82

Перед финалом

Есть нечто отвратительное в агонии Германии: старая ведьма, кончаясь, кокетливо показывает свои телеса и охорашивается.

Германское информационное бюро передает: «За истекшие недели ничего сенсационного не произошло. Германское командование является хозяином положения». Каково немцам это слушать? Они-то знают, что ежедневно Гитлер теряет не менее десятка городов? Ничего сенсационного не произошло? Да, если не считать сенсацией агонию Германии. Ничего существенного не произошло, если не считать существенным потерю Германией Рура, Саарского бассейна, венгерской нефти, Словакии, Франкфурта, Маннгейма и многого иного. Да и вообще ничего не произошло, кроме таких пустяков, как прорыв Красной Армии к Вене, стремительное продвижение англичан к Бремену и американцев к Эрфурту. Жалкие лгунишки, они выдают предсмертную икоту за браваурный марш!

ские!»... Почему немцы не выстояли на Везере? Потому что мы на Одере. Легко понять несложную «стратегию» фрица: он побывал в Смоленске, теперь он должен защищать Эрфурт от американцев, а за спиной у него Красная Армия, за спиной у него тот самый смолянин, дом которого Фриц сжег, семью которого убил. И вот Фриц бежит на запад — не подумайте только, что он контратакует, он спешит в плен, как в убежище.

Они кончаются не как солдаты, а как ворышки, погнавшие на облаву. Гаулейтеры переводят свои барышни в Швейцарию, генералы закапывают украденное добро, и где-то на дороге американцы обнаружили подолна Рубенса, вывезенные немцами из Франции. В Швецию прибыли из Гдыни восемьдесят шесть «дубовых листов», оторвавшихся от ветки родимой или, иначе говоря, офицеров германской армии, которые предпочли шведский пунш русской воде. Эти офицеры приехали тоже с «трофеями» — с патефонами и с баяна-

Есть нечто отвратительное в агонии Германии: старая ведьма, кончаясь, кокетливо показывает свои телеса и охорашивается. Германское информационное бюро передает: «За истекшие недели ничего сенсационного не произошло. Германское командование является хозяином положения». Каково немцам это слушать? Они-то знают, что ежедневно Гитлер теряет не менее десятка городов? Ничего сенсационного не произошло? Да, если не считать сенсацией агонию Германии. Ничего существенного не произошло, если не считать существенным потерю Германией Рура, Саарского бассейна, венгерской нефти, Словакии, Франкфурта, Маннгейма и многого иного. Да и вообще ничего не произошло, кроме таких пустяков, как прорыв Красной Армии к Вене, стремительное продвижение англичан к Бремену и американцев к Эрфурту. Жалкие лгунишки, они выдают предсмертную икоту за браваурный марш! .

Перед финалом

Упорствуя на Востоке и сдаваясь на Западе, немцы хотят спасти не только свою шкуру, не только награбленное добро, но и тот аппарат, который должен подготовить третье мировое побоище. Адвокаты дьявола в Америке, в Англии или во Франции понимают это; и все же они защищают злодеев: эти адвокаты боятся не разбойников, а судей — как в дни Мюнхена, им всего страшнее свои народы и сила Советского Союза. Но теперь не 1938-й год. Мир увидел, что такое Красная Армия. Фрицы могут сдаваться американцам: это их дело. В конечном счете у них остался этот выбор: кому сдаваться; только в этом отношении «германское командование остается хозяином положения». Впрочем, не всё ли равно, кому сдается тот или иной фриц? Ведь есть коалиция, есть совесть народов; и нежинский зондерфюрер, отведав американского сала, отрыгнет на русской виселице. Крепок наш боевой союз, не разбить его никаким плакальщикам и никаким клеветникам. Чем быстрее придет конец, тем лучше. Пусть фрицы сдаются хотя бы Франсуа Мориаку, я не возражаю. Мы радуемся, что французы подошли к Штутгарту. Мы радуемся, что англичане подходят к Ганноверу и Бремену. Мы радуемся, что американцы у Эрфурта, у Веймара, у Нюрнберга. Друзья нам не раз помогали: разве мы забыли труд американских рабочих, отвагу союзных моряков и летчиков? Мы рады, что наш январь принес союзникам такой апрель. Радуюсь, мы заняты делом: Веной. Будет вскоре и Берлин. И май в этом году будет действительно маем. // **Илья Эренбург.**

Андреев, А. Путь к Берлину /А. Андреев. //Комсомольская правда. - 1945. - №95

Наши войска завязали бои в пригородах Берлина. Осенняя знаменем Ленина, под водительством Верховного Главнокомандующего товарища Сталина доблестная Красная Армия идет к окончательной победе над врагом!

Путь к Берлину

Наши войска завязали бои в пригородах Берлина. Немцы сопротивляются жестоко, сопротивляются отчаянно. Но нет такой силы, которая могла бы остановить воинов Красной Армии. И события развиваются неудержимо. Для того чтобы представить себе все ожесточение нынешних боев, все напряжение этой яростной битвы, надо восстановить ее картину во всем объеме, час за часом...

Это было несколько дней тому назад. Наши войска готовили удар. Перед расветом по всей линии фронта царил необычайная тишина. Ни одного выстрела, ни одного лишнего движения, никакой суеты — все заранее было измерено, условлено, уточнено.

Молчаливое ожидание всегда томительно. Лишь изредка слышался смех — какой-нибудь неутомимый весельчак бросал крылатую фразу, и сразу же ее подхватывали товарищи. Бойцы лежали рядом и глядели в темноту перед собой — там, впереди угадывались немецкие укрепления, а за ними Берлин. Это обстоятельство делало предстоящее сражение особенно значительным. Казалось, какая-то незримая нить неразрывно, накрепко связала друг с другом всех — пехотинцев, артиллеристов, танкистов, саперов, минометчиков. Было такое впечатление, будто каждый глубоко вдохнул и задержал дыхание. Эта торжественная тишина была значительной, она отражала тот необычайный подъем, который определяет дух армии, способной и на аспитания, и на подвиги, и на победу.

От военного корреспондента
«Комсомольской правды»

срываются в канавы, в лужи воды. А впереди — темные нагромождения вражеских укреплений. И вдруг бойцы увидели необычайное: мощные, ослепительной силы потоки света легли перед ними на землю. Эти потоки начинались от наших траншей и упирались в немецкие укрепления, старательно обшаривая их. В главных боевых порядках были расставлены прожекторы. Они освещали путь пехоте и ослепляли врага лосещающими световыми струями.

В синем трепетном свете бойцы увидели, что стало с немецкой обороной: на месте укреплений лежали груды развороченной земли, клочки изорванной колючей проволоки, обломки разбитых и смешанных с землей блиндажей, изуродованные, расщепленные деревья. И повсюду воронки и ямы, ямы и воронки.

О том, как идут в наступление, как прорывают вражескую оборону, уже написано много и в газетах и в книгах, и нового уже ничего не скажешь, да здесь и не нужны громкие, красивые слова. Нужно запечатлеть, сохранить для истории только факты. Пусть вспомнят наши дети и дети наших детей, как артиллериста старшего лейтенанта Чаистикова взрывом засыпало землей и только одна голова была видна снаружи; но этот человек даже не отнял трубки от уха, даже не попытался выбраться из-под земли, а продолжал командовать на батальон: «Огонь! Огонь!»

ора Степанюка двигались в передних рядах вместе с пехотой. На броне пушек сидели автоматчики и саперы. Они обеспечивали пушкой дорогу. Экипаж младшего лейтенанта Краушкина вырвался вперед, поехал почти вилотную к противотанковой немецкой пушке и в упор разбил ее. Немцы укрыли свои танки. Когда наша пехота наступила к ним, они один за другим начали выползать и отодвигаться назад. Один так выкатился на шоссе и стал уходить. Младший лейтенант Краушкин хорошо видел его. Он развернул пушку и пошел ему навстречу. Заряжавший Агстацен, наводчик Бурьян, водитель Жегиненко были внимательны и не спускали с танка глаз. Зайдя вбок, пушка выстрелила один раз, второй, третий, и танк вывихнул. Горящий, он проехал несколько метров и остановился навсегда.

Но вот наша пехота, наши танки, наши пушки подошли к глубокому каналу и задержались здесь. Все мосты были взорваны. Начался орудийный бой на ближней дистанции. Наступал уже вечер, и было видно, как две линии огня — наша и немецкая — сходились все ближе и ближе. Наконец наши бойцы поднялись и, пробежав те немногие метры, которые отделяли их от канала, стали прыгать вниз, прямо на головы засевших за скатом немцев. Они выковыривали их из ячеек, были прикладами, брали в плен или гнали дальше. Войдя в воду по грудь, бойцы переходили канал, выпрыгивали наверх и бежали дальше.

Саперы стали взрывать каналы...

Наши войска завязали бои в пригородах Берлина. Немцы сопротивляются жестоко, сопротивляются отчаянно. Но нет такой силы, которая могла бы остановить воинов Красной Армии. И события развиваются неудержимо. Для того чтобы представить себе все ожесточение нынешних боев, все напряжение этой яростной битвы, надо восстановить ее картину во всем объеме, час за часом. Но вот наша пехота, наши танки, наши пушки подошли к глубокому каналу и задержались здесь. Все мосты были взорваны. Начался орудийный бой на ближней дистанции. Наступал уже вечер, и было видно, как две линии огня — наша и немецкая — сходились все ближе и ближе. Наконец наши бойцы поднялись и, пробежав те немногие метры, которые отделяли их от канала, стали прыгать вниз, прямо на головы засевших за скатом немцев.

Путь к Берлину

Они выковыривали их из ячеек, били прикладами, брали в плен или гнали дальше. Войдя в воду по грудь, бойцы переходили канал, выпрыгивали наверх и бежали дальше. Наши войска катили перед собою огневой вал и медленно двигались за ним, отбрасывая немцев. Самоходные пушки майора Степанюка двигались в передних цепях вместе с пехотой. На броне пушек сидели автоматчики и саперы. Они обеспечивали пушкам дорогу. Экипаж младшего лейтенанта Краюшкина вырвался вперед, подъехал почти вплотную к противотанковой немецкой пушке и в упор разбил ее. Немцы укрыли свои танки. Когда наша пехота подступила к ним, они один за другим начали выползать и отодвигаться назад. Один танк выкатился на шоссе и стал уходить. Младший лейтенант Краюшкин хорошо видел его. Он развернул пушку и пошел ему наперерез. Заряжающий Анастасиев, наводчик Бурьян, водитель Логвиненко были внимательны и не спускали с танка глаз. Зайдя вбок, пушка выстрелила один раз, второй, третий, и танк вспыхнул. Горящий, он прошел несколько метров и остановился навсегда.

Саперы сделали земляные насыпи для самоходных пушек, и артиллеристы перебрались за канал вслед за пехотой. Командир полка дождался, когда исправили связь, приказал Баченкову приготовиться к атаке и ринуться всем батальоном вперед, как только смолкнет пятнадцатиминутная артиллерийская подготовка. Огонь был сильный, сплошной, шквальный. Он еще не закончился, когда Баченков донес, что батальон уже продвигается и просит перенести огонь дальше.

Артиллеристы выполнили просьбу комбата. Огонь был перенесен дальше, потом еще дальше. Командир полка спокоен: где прошел огонь, там уже прочно закрепилась пехота...

...Вот так, шаг за шагом, метр за метром, выжигая огнем немцев из каждой щели, из каждой норы наши полки и идут вперед, к Берлину. Сейчас бои уже кипят в берлинских пригородах. Борьба достигает высокого напряжения. Близость волнующего часа победы заставляет людей творить чудеса, поражающие даже тех, кто за годы войны привык к самым удивительным и неповторимым делам советских воинов. // Капитан А. Андреев. Действующая армия. 21 апреля 1945 г.

Карташов, А. Берлинские встречи
/А. Карташов //Комсомольская правда.
- 1945. - №99

Победоносная Красная Армия нанесла новые мощные удары по врагу. Войска 2-го Белорусского фронта овладели главным городом Померании и крупным морским портом Штеттин, а также заняли города Гартц, Пенкун, Казеков, Шведт. Войска 2-го Украинского фронта овладели крупным промышленным центром Чехословакии городом Брно (Брюн).

БЕРЛИНСКИЕ ВСТРЕЧИ

1. Флаг над Шпрее

Танки свернули на уднгу. Гвардии капитан Федор Акимович Анпаткин с легкостью юности-гимнаста выпрыгнул из своей тяжелой машины. Он быстро на ходу сбросил кожанку. На груди его свернувшись орден и «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Оглядевшись, командир танкового батальона пошел к самому высокому дому. В руке он нес красное полотнище. Автоматчики из десанта несли хвостик.

— Вон с того балкона, пожалуй, хороший вид на Шпрее,— сказал командир и пошел по лестнице вверх.

Один автоматчик другому шепнул:

— От самой Вислы флаг берег наш гвардии капитан. Просили на Эдере вынести— не дал. Он так сказал: «Висла только на Шпрее, над берлинской улицей. И чтобы с набережной видна была».

В батальоне парило праздничное настроение. Все, точно договорившись, надели орден, словно шли на парад. Автоматчики быстро водрузили красный флаг на балконе, и командир батальона вернулся к боевой работе. Вот откуда-то из развалин выпрыгнул связной. Он перелез хвостом, и через полминуты отряд автоматчиков во главе с командиром роты устремился с переправе. Вой за эту улицу, открывающую выход к реке, шел с полудня. Десантники уже были на том берегу. Танкетки ждали своей очереди — саперы ремонтировали переправу.

невозможно: эти развалины над Шпрее сейчас было бы правильнее назвать фабрикой битого кирпича и известковой пылью.

С высоты этой башни далеко виден центр Берлина. То в одном, то в другом месте дома по самым крышам обволакивает густой белый дым — это значит, что в них закрепились снаряды немецкие; через реку летят сотни молний гвардейских минометов, они хорошо делают свое дело. Над крышами Берлина скользят, отбрасывая тени в Шпрее, знаменца солдат наших «Плювиальных». И они работают прекрасно.

Спускаемся вниз. Двое связистов тянут провод с того берега. Молодые лица, уставшие, довольные. Оказывается, оба связиста — комсомольцы. Николай Утешин из тридцати старшего Алексея Ермолова, который вот здесь, под Берлином, принял первое боевое крещение.

— Повезло человеку в жизни,— снисходительно говорят Утешин, ветеран-сталинградец.— Попал к Берлину! Пришел бы он еще через несколько дней, и не воевать бы ему здесь!

2. В одном берлинском доме

Что же происходит в эти часы под кровлями берлинских домов? Что делают их обитатели, со страхом притаившиеся в подвалах? Что представляет собою мир берлинца?

Вот «обычный» берлинский дом, четырехэтажный «карбус». Площадь перед домом занята гвардейскими мино-

водами, шланга. Рядом с ним — ружья старуха. К ним подходит еще один немец. Пальто его в паутины и пыли, он небрит.

— Вы здесь живете?

Немец предупредительно кланяется головой. Да, он живет в этом доме. «Но ведь дом разбит?» — «Да, но под ним хороший погреб, это лучше, чем самый пелый дом». — «Кто разбит этот дом?» — «В июне прошлого года, при налете авиации».

Вся стена полуразрушенного дома заделана всякого рода предисаниями, расписаниями, директивами. Вот одна из них: «Сборы для армии и фольксштурма.

Собирайте и сдавайте:

1. Трипел: все виды шерсти, полушерсти, носки, искусственный шелк, старые флаги (1), занавески, фартушки, ковры, мешки, швабры (даже если это порвано, подчинено, замаслено).

2. Белье всех видов: мужское, женское; ночные рубашки, детское белье (1), постельные, столовые.

3. Одежду всякого рода: хорошую, поношенную, нуждающуюся в починке. Пиджаки, жилеты, брюки, пальто всех видов, макинтоши, головные уборы (мягкие фетровые шляпы, фуражки), дамские и женские платья, блузки, жакеты, платки, спортивные костюмы, шляпы, шапочки.

4. Военную форму и части ее. Униформу всех организаций, подчиненных национал-социалистической партии, а также чиновников, полицейских, пожарных, железнодорожников.

5. Обувь: штилеты, сапоги, гамашы.

Берлинские встречи

Флаг над Шпрее

Танки свернули на улицу. Гвардии капитан Федор Акимович Липаткин с легкостью юноши-гимнаста выпрыгнул из своей тяжелой машины. Он быстро на ходу сбросил кожанку. На груди его сверкнули ордена и «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Оглядевшись, командир танкового батальона пошел к самому высокому дому. В руке он нес красное полотнище. Автоматчики из десанта несли дровко.

«— Вон с того балкона, пожалуй, хороший вид на Шпрее», — сказал командир и пошел по лестнице наверх.

Один автоматчик другому пояснил:

— От самой Вислы флаг берег наш гвардии капитан. Просили на Одере вывесить — не дал. Он так сказал: «Повесим только на Шпрее, над берлинской улицей. И чтобы с набережной видно было».

В батальоне царило праздничное настроение. Все, точно сговорившись, надели ордена, словно шли на парад. Автоматчики быстро водрузили красный флаг на балконе, и командир батальона вернулся к боевой работе. Вот откуда-то из развалин вынырнул связной. Он передал донесение, и через полминуты отряд автоматчиков во главе с командиром роты устремился к переправе. Бой за эту улицу, открывающую выход к реке, шел с полудня. Десантники уже были на том берегу. Танкисты ждали своей очереди — саперы ремонтировали переправу.

Мимо проходили с пулеметами бойцы другой части. Проезжали артиллеристы. И каждый раз слышалось:

— Кто повесил флаг?

В ответ раздавалось:

— Танкисты. Сталинградские гвардейцы. Слыхали про таких?

— Как же не слышать — сами сталинградские. С праздничком вас.

Шур, М. Прусская твердыня сокрушена

/М. Шур //Правда. - 1945. - №86.

Прусская твердыня сокрушена

(От военного корреспондента «Правды»)

Два месяца огнём нашей артиллерии и ударами с воздуха разрушалась крепостная оборона осаждённого Кенигсберга. Столица Восточной Пруссии находилась в железной блокаде. Немецкий гарнизон изматывался и уничтожался день за днём.

О мощи оборонительных сооружений Кенигсбергской крепости уже писалось достаточно подробно. Мы приведём для иллюстрации пример. Перед генеральным штабом пехотинцы и сапёры полковника Толстикова взяли один форт. Он представлял собой огромное сооружение из железобетона с двойными трёхметровыми стенами, расположенное в виде буквы «Ш» и обращённое плечами вперед. В правом и левом плечах помещались боевые казематы с тяжёлой артиллерией. Взорвав этот форт, штурмовые группы захватили в нём шесть 280-миллиметровых и четыре 210-миллиметровых орудия.

И всё же мощная крепостная оборона Кенигсберга не смогла противостоять сокрушительному натиску советских войск.

Генеральному штабу предшествовала артиллерийская и авиационная подготовка, отличавшаяся исключительной силой. Многочисленные батареи всех калибров и систем — от противотанковых пушек до гигантских орудий особой мощности — вели прицельный огонь по главным огневым позициям врага. Наши артиллеристы не только заранее засекли и нанесли на карты свои цели, — они имели перед собой рисунок, рельефно изображающие каждый дом, бандаж, убежище.

Мы побывали на одной из главных улиц Кенигсберга, в штабе части, штурмовавшей центр города. Как раз в это время наблюдатели передали по радио командиру донесение:

— Видно, как на площади бегают немецкие генералы...

Это донесение не нуждалось в особых комментариях. Когда генералы мечутся на облитой огнём площади, они уже не управляют боем и бесцельно повлиять на ход событий. Немцы оказались в катастрофическом положении, и каждая следующая минута приближала неотвратимую разницу.

— Ну, сейчас нужны темпы и ещё раз темпы, — сказал один из наших офицеров. — Не дать им опомниться, не дать оглянуться!

И высокие темпы были во всём. Танки, действовавшие в штурмовых группах, занимали исходные позиции в 300—400 метрах от противника. Это значит, что при отличной скорости наших танков и при их высокой маневренности немецкие противотанковые пушки были заранее обречены на гибель под гусеницами могучих боевых машин.

Танкисты подполковника Охрименко, которых мы видели в городе во время уличных боёв, рассказали о многих замечательных эпизодах, характеризующих высочайшей темпы танковых атак. В течение двух дней им пришлось вместе с сапёрами и пе-

рогам всё дальше и дальше от Кенигсберга, выкуривались из прочнейших казематов и бронированных дотов.

Вот холм, изрытый траншеями. Наши снаряды наивно сбрыкали с него густую растительность и превратили в кашу землю и немцев, которые держали здесь оборону. Даже не трупы, а только скрюченные руки и ноги немецких солдат, торчащие из земли, можно разглядеть в этом месиве. Вот в глубоких воронках, уткнувшись стволами вниз, стоят врозьские зенитные пушки, а впазах в пятидесяти валютах отброшенные врынной волной мёртвые солдаты оружейной прислуги. Дальше — развороченная кирпичная стена подвала, за нею — разбитый немецкий пулемёт и лежащий ничком пулемётчик.

Немцам в Кенигсберге были открыты только два пути: или в молчу, или в плен. Отступать было некуда. И командант крепости генерал от инфантерии Яши сдался со своим штабом нашим войскам, окружённый в самом последнем очаге сопротивления — у пута Обертайх, в восточной части Кенигсберга.

Идут и идут по улицам города и окрестным дорогам огромные колонны обезоруженных немецких солдат. Среди пленных есть и жандармы, и дартонники, и резервисты на фольксштурме. Во главе колонн — офицеры. Одного из них — в чине капитала — мы остановили:

— Одну минуточку. Ваше имя?

— Генрих Зааль.

— Сколько вы были в Кенигсберге?

Два месяца огнём нашей артиллерии и ударами с воздуха разрушалась крепостная оборона осаждённого Кенигсберга. Столица Восточной Пруссии находилась в железной блокаде. Немецкий гарнизон изматывался и уничтожался день за днём.

Иванов, С. Русские в Берлине /
С. Иванов //Известия. - 1945 года.
- №99.

Русские в Берлине

(От специального военного корреспондента «Известий»)

Среди великого множества удивительных и благородных дней, которые переживает человечество, дни, которые мы сейчас наблюдаем в Берлине, быть может, самые возвышенные и удивительные. Достаточно взглянуть мельком на дороги, прилегающие к столице фашистской Германии, чтобы увидеть необыкновенную и поучительную картину. По обеим сторонам дороги идут нескончаемой лентой два гигантских потока людей: одни — из Берлина, другие — в Берлин.

Из Берлина — пешком, на фурах или тележках, с узелками и чемоданчиками — уходят те, которые под кнутом и кровавой свастикой работали на немцев. Выражение их лиц невыразимо никакими словами. Но пусть каждый, кто хочет знать их состояние, вспомнит самые радостные и счастливые минуты своей жизни, и, возможно, перед ним встанут эти лица. Они идут, оставив позади себя гнет, тоску, голод, унижение. Они идут на восток

врагу, тем чувством, которое несет победу.

Откуда-то сбоку на дорогу выходят тяжелые танки. Они идут с таким грохотом, их так много, что от восторга стучат зубы, и не веришь своим глазам и смотришь на изумруд зелени по краям дороги, и, как ни странно, приближает тебя к реальности большой, толстый плюшевый медвежонок на головном танке, привязанный где-то возле башни. Растопырив пухлые лапки, медвежонок тоже мчится в бой, может быть, для того, чтобы вернуться к детям и сказать, что скоро войне конец.

Автострада, оцепывающая Берлин, пустынна и тиха. Мы пересекаем ее. Километра два — три, и перед нами Берлин. На улицах баррикады, наскоро выстроенные из бревен, промежутки между которыми засыпали землей. Кое-где надписи по-русски: «Мин нет».

Офицер говорит:

Среди великого множества удивительных и благородных дней, которые переживает человечество, дни, которые мы сейчас наблюдаем в Берлине, быть может самые возвышенные и удивительные. Достаточно взглянуть мельком на дороги, прилегающие к столице фашистской Германии, чтобы увидеть необыкновенную и поучительную картину. По обеим сторонам идут нескончаемой лентой два гигантских потока людей: одни — из Берлина, другие — в Берлин.

То, что над улицей проносятся самолеты и где-то рядом ухают зенитки и слышны взрывы, а в соседнем квартале горят три огромных дома и в больших окнах бушует густое оранжевое пламя, офицер-сапер не считает боем. Неспеша он руководит разборкой баррикады. Сапёры оттаскивают бревна.

Русские в Берлине

Едем широкой улицей. Среди шестиэтажных домов по линии трамвая, посередине улицы — газон и голые деревца. Мостовая изрыта снарядами. Молодые люди — немцы с белыми повязками на рукаве — подметают улицу, убирают осколки, засыпая пробоины, а более пожилые и с более широкими белыми повязками стоят у дверей своих магазинов. Двери и витрины забиты досками и от разрывов, и чтобы, не дай бог, не пострадало имущество от рук своих же, немцев. Вчера, например, наши кинорежиссеры засняли сцену, когда население квартала разнесло и разграбило продовольственный магазин. И вот седые люди с испуганными лицами стоят возле своих лавочек, стоят неподалеку от боя, — а бой в полукилометре, — стоят и стерегут. Велик бог наживы.

Проехали еще два-три квартала. Здесь уже и немцы не стоят у своих магазинов, а прячутся в подъездах. Здесь отчетливо не только слышна автоматная стрельба, но и видна. В следующем квартале — шлагбаум через улицу. За шлагбаумом — бой, передний край. В сотне шагов горит подожженная «фаустом» машина, а на перекрестке улицы лежит прикрытый шинелью убитый советский воин. Это сержант Васин, командир отделения, пехотинец.

Великие исторические победы свершили Красная Армия, весь советский народ в канун Первомайского праздника. Мы долго боролись с врагом, долго напрягал все свои силы советский народ, чтобы именно сейчас прийти к полному разгрому врага. Шел к этому разгрому и сержант Васин, что лежит под шинелью, на камнях берлинской мостовой. Он шел упорно, воодушевленно и радостно. Он родом из села Бекетовка Ульяновской области, из той области, где родился наш учитель Ленин. Сержант Васин положил свою благородную жизнь за идеи Ленина—Сталина, за нашу отчизну.

Иванов, Вс. Великая битва / Вс.
Иванов //«Известия». - 1945. -
№101.

Да здравствует могучий Советский Союз, отстаивший цивилизацию Европы от фашистских погромщиков! Слава советским войскам, водрузившим знамя победы над Берлином!

(От специального военного корреспондента «Известий»)

Он пришёл, этот день наступления.

Пятый час утра. Скоро начнется артиллерийская подготовка. Но пока тишина такая, что, кажется, пролети мошка, и ту услышишь. К тому же над рекой и её окрестностями разлит, как масло, липкий туман: смесь речных испарений и дыма, нанесённого ветром из лесов.

Ерусалимский, А. **Международный обзор:** /А.Ерусалимский //Красная звезда. - 1945. - №99

Войска 2-го Белорусского фронта овладели главным городом Померании и крупным морским портом — Штеттин. Войска 2-го Украинского фронта овладели крупным промышленным центром Чехословакии городом Брно (Брюн).

Международный обзор

Итак, свершилось! Красная Армия завершила окружение Берлина и ведет бой на его улицах и площадях. Весь мир, как бы затаив дыхание, следит за ожесточенным сражением, в ходе которого советские войска наносят последний сокрушающий удар в самое сердце Германии. Немецко-фашистские войска всё еще сопротивляются, яростно и ожесточенно. Гитлеровское командование бросает в бой все имеющиеся в его распоряжении силы. Город-спрут с его широко раскинутыми предместьями, с его большими казарменными зданиями, с его прямыми улицами, большими площадями и многочисленными каналами превращен в огромную крепость. Геббельс, назначенный комиссаром обороны Берлина, в обращении к населению заявил: «Последние несколько недель в столице созданы значительные оборонительные сооружения. Эти сооружения тянутся от окраинных районов до центра города. Вокруг Берлина созданы несколько тысяч противотанковых заграждений, баррикады, завалы, земляные сооружения. Столица находится в полной готовности к обороне».

Это заявление Геббельс сделал 22 апреля, т. е. ровно через три года и десять месяцев после того, как Гитлер зачитал в Берлине приказ о вероломном вторжении

войскам является спазмами чудовища, которое уже подыхает, но которое еще нужно добить.

Русские солдаты знают дорогу на Берлин. Они уже побывали в нем еще в 1760 году. Но тогда, чтобы снасти свою столицу, пруссаки пожертвовали ее ключами. В 1806 году Берлин снова склонился перед иностранными войсками: он капитулировал перед наполеоновской армией. Комендант Берлина тогда заявил: «Сегодня спокойствие является первым долгом немца». Так пруссакам вторично удалось снасти свою столицу от разорения и пожара войны. В 1918 году Людендорф предпочел, чтобы германские войска капитулировали на территории Франции и Бельгии, лишь бы предотвратить войну на территории Германии и не допустить вступления победителей в Берлин. К этому времени экономическое значение германской столицы неизмеримо возросло. Ее политическое значение в Германии всегда являлось первостепенным.

Оставаясь в полной неприкосновенности даже после поражений Пруссии — Германии, Берлин продолжал расти, как символ прусской надменности, как цитадель германского милитаризма, как главный штаб военной и политической

**Международный обзор: 27 апреля
1945 года**

Итак, свершилось! Красная Армия завершила окружение Берлина и ведет бои на его улицах и площадях. Весь мир, как бы затаив дыхание, следит за ожесточенным сражением, в ходе которого советские войска наносят последний сокрушающий удар в самое сердце Германии. Немецко-фашистские войска всё еще сопротивляются, яростно и ожесточенно. Гитлеровское командование бросает в бой все имеющиеся в его распоряжении силы. Город-спрут с его широко раскинутыми предместьями, с его большими казарменными зданиями, с его прямыми улицами, большими площадями и многочисленными каналами превращен в огромную крепость. Геббельс, назначенный комиссаром обороны Берлина, в обращении к населению заявил: «Последние несколько недель в столице созданы значительные оборонительные сооружения. Эти сооружения тянутся от окраинных районов до центра города. Вокруг Берлина созданы несколько тысяч противотанковых заграждений, баррикады, завалы, земляные сооружения. Столица находится в полной готовности к обороне».

Это заявление Геббельс сделал 22 апреля, т.е. ровно через три года и десять месяцев после того, как Гитлер зачитал в Берлине приказ о вероломном вторжении германской армии в пределы Советского Союза. Немезида восторжествовала, и теперь нет той силы, которая могла бы остановить могучий порыв Красной Армии к вершинам полной и окончательной победы. Гитлеровская «третья империя» под могучими ударами разваливается на части, и сопротивление наступающим советским войскам является спазмами чудовища, которое уже подыхает, но которое еще нужно добить.

История — суровый учитель, ее уроки назидательны. Прекращая военное сопротивление в 1918 году, германские империалисты надеялись, что они снова воспрянут, как только по окончании войны между союзниками вспыхнут разногласия, — разногласия, которые последние не смогут устранить. Германские империалисты тогда не ошиблись. Когда военные действия прекратились, стало ясно, что союзники не подготовили структуры будущего мира. Более того, они и не смогли найти общую, полностью согласованную точку зрения по вопросу об этой структуре.

Международный обзор: 27 апреля
1945 года

Так было, так больше быть не должно. Разумеется, существование некоторых разногласий между державами само по себе отнюдь не является препятствием к соглашению при наличии доброй воли к их устранению. Вот почему участники конференции в Сан-Франциско приступают к созданию организации международной безопасности с верой в конечный успех. Существуют, однако, элементы, которые, по-видимому, не хотят этого успеха. Стремясь посеять рознь, недоверие между главными участниками конференции, они занимаются распространением всякого рода клеветнических сообщений и таким образом пытаются отравить атмосферу в Сан-Франциско. Так, например, корреспондент «Дейли Миррор» Пирсон, находящийся в Сан-Франциско, распространяет на страницах своей газеты слухи, будто влиятельные люди в Англии и США «начали предпринимать маневры с целью воссоздания сильной послевоенной Германии в качестве оплота против Советского Союза». Одновременно он снова распространяет нелепые слухи, уже ранее разоблаченные, будто американская армия «отошла от предместий Берлина так, чтобы Красная Армия могла войти первой». Политическая цель подобного рода заявлений Пирсона не подлежит сомнению. Она носит провокационный характер. Ясно, что Пирсон стремится не допустить сплочения демократических держав, больших и малых, сплочения, столь необходимого для завершения разгрома общего врага — гитлеровской Германии. Это сплочение необходимо и для построения послевоенного мира на прочной основе. //Проф. А.Ерусалимский.